

Александр Фомич Вельтман

Костешские скалы

Александр Вельтман
Костешские скалы

«Public Domain»

1839

Вельтман А. Ф.

Костешские скалы / А. Ф. Вельтман — «Public Domain», 1839

Рассказ Александра Вельтмана «Костештские скалы» из его романтического «бессарабского» цикла знакомит нас с жизнью и работой молодого офицера-топографа, ведущего съемочные работы в Бессарабии и квартирующего у молдаванки. В рассказ о любви молодого офицера к юной Ленкуце введено молдавское сказание о скалах Костештских, речь о котором идет и в рассказе «Два майора».

© Вельтман А. Ф., 1839

© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
-----------------------------------	---

Александр Вельтман

Костештские скалы

В тысяча восемьсот таком-то году один юный «офицер-ди-императ»¹ сидел в белой, раскрашенной вавилонами снаружи и внутри «касе» селения Каменки; сидел в сонливом, а может быть, и грустном положении, склонив голову на перекрещенные руки на столе.

– *Бояр дорми!* Боярин спит? – спросила хорошенькая, миленькая Ленкуца, дочь хозяйская, входя в комнату с букетом цветов в руках.

Юный офицер, которого мы назовем хоть Световым, молчал.

– *Яка, флоаре!* Посмотри-ка, вот цветы! – сказала Ленкуца нежно.

– Эй, кто тут есть! Скоро ли лошади? – вскричал юный «офицер-ди-императ», подняв голову.

Взор его был мрачен.

– Я давно сказал Афанасьеву, чтоб запрягал, – отвечал, притворив, двери, денщик.

Офицер опять склонил голову на руки.

– Ты сердишься? – сказала Ленкуца печальным голосом.

– А тебе что за дело? – сказал Светов, приподняв голову.

Взоры его блеснули, как у победителя.

– Как что за дело? – отвечала Ленкуца.

– Так ты любишь меня, Ленкуца?

– Нет.

– Как нет?

– Я и хотела бы, да не могу тебя любить...

– Отчего, Ленкуца? Скажи, драгуца моя.

– Оттого, что ты любишь другую.

– Это кто тебе сказал?

– Я сама знаю. Ты только в будни говоришь, что любишь меня, а сам всякой праздник уезжаешь бог знает куда.

– Что ж такое?

– Как что? Кто любит, тот праздники проводит с теми, кого любит... Вот и сегодня едешь...

– Я еду к товарищам.

– И, полно! что ты нашел у товарищей?

– Уверю тебя, Ленкуца.

– Если ты любишь меня, так не поедешь.

– Мне должно ехать.

– Так поезжай! – сказала Ленкуца, вырвав свою руку из рук Светова, и быстро выходя из комнаты.

Казалось бы, что одно только образование может дать природной красоте очаровательную приятность, голосу сладость, взорам томность, движениям непринужденность, стану статность, а сердцу нежную любовь; но это все было в Ленкуце, дочери «мазила», или молдаванского однодворца. Ленкуца скромно удалялась от юношеских преследований Светова; он был в отчаянии. В первый еще раз она высказала ему неожиданно свою любовь, но он не мог исполнить ее требований остаться дома. Для свода съемок он должен был съехаться с товарищами, и эти съезды обыкновенно бывали по праздничным дням.

¹ Так называли молдаване офицеров свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, производивших съемку земель Бессарабских (прим. автора).

Колокольчик зазвенел, четверка быстрых коней, запряженная в маленькую каруцу, украшенную резьбой, подъехала к хате.

– Ах, какая скука! – вскричал Светов.

– Готово, ваше благородие, – сказал вошедший пионер.² – Кому прикажете с собой ехать? Молдавану или мне?

– Ты поедешь.

Светов накинул на себя плащ и хотел уже садиться в каруцу, как вдруг с горы несется во весь опор четверка и прямо поворотила на двенадцатисаженную веху, которая возвышалась над палацом Светова и на вершине которой был воткнут соломенный «ивашка-белая-рубашка». Правил конями кто-то в широких шароварах, в белой куртке и в белой фуражке, правил стоя, как Аполлон конями солнца, и свистел, как Соловей-разбойник.

– Это наши, ваше благородие, – сказал Афанасьев, лейб-возница Светова, радостно смотря на полет коней.

– Кто ж это так отчаянно правит?

Не успел Светов произнести этих слов, кони как вкопанные, в пене и в паре, остановились подле хаты. Лихой кучер бросил к черту вожжи, соскочил с каруцы.

– Лезвик! – вскричал Светов.

– Каков у нас кучер? – крикнули сидевшие в каруце, которых под пылью нельзя было узнать в лицо.

– Лугин и Фантанов! Вы под пылью, как мертвецы в саванах. Ай, Лезвик, чудо! Я думал, что вас под гору несут лошади... прямо с крутизны к черту.

– Как бы не так! – сказал Лезвик. – Уж мы и править не умеем!

– Не с большим в три четверти часа двадцать верст.

– Как бы не двадцать!

– Ну, теперь пошел Лезвик спорить.

– Да разумеется: двадцать одна и триста сажен. Да и где ж три четверти часа?.. Мы выехали половина десятого...

– После поспорим, Лезвик; а теперь позавтракать да и в Костешти. А у тебя уж, Светов, и лошади готовы? Прикажи и нам дать свежих лошадей.

– Да мы трое усядемся на твоей каруце, а Лезвик опять будет править. Вместе веселее.

– Так уж лучше знаете ли что? Я велю запречь воловью каруцу: засядем в нее и будем играть дорогой в бостон.

– Браво! Славная выдумка! Приказывай!

– Эй, Афанасьев, ступай распорядись, чтоб сейчас же была воловья каруца, запряженная двенадцатью рысистыми волами. Каруцу обтянуть и покрыть сверху коврами, накласть в нее подушек и разостлать на них мой большой ковер.

Не успел денщик Светова поджарить куриных котлет, как послышался скрип каруцы, крики и хлопанье бичами.

– Как прикажете, ваше благородие, я не умею править волами, – сказал вошедший Афанасьев.

– А ты не знаешь службы? Что прикажут, то и должен уметь.

– Уж, конечно, ваше благородие, наше подчиненное дело.

– То-то же! Поставить в каруцу складной стол и четыре складных стула... Да в погонщики волов двух верховых.

Покуда завтрак кончился, все уже готово.

² Пионер – сапер.

Около каруцы собралась вся громада³ села; все заботливо, как будто делали важное дело, помогали Афанасьеву укладывать и устанавливать в воловьей каруце, которая стояла, как дом на колесах: в ширину сажень, в длину две; колеса два аршина в диаметре, а ничем не смазанные буковые оси в палец толщины. Вообще молдавские воловьы каруцы бывают без обшивки; бока их составляют параболу, рогами вверх и на подставках.

– Это что за кавалерия, вооруженная бичами?

– Я приказал двух погонщиков, а их наехал целый взвод, – отвечал Афанасьев.

– *Ной мержем ку боерь!* Мы поедем с боярином! – сказали вершники молдаване, которых набралось человек десять.

– Только двух нужно! – сказал Светов.

– *Лас, боерь... лас!* Оставь их, боярин, оставь! – сказал ватаман, кланяясь.

– Пусть их едут. Хайд! Мимо Ста-Могил!

– Садимся!

Товарищи засели в каруцу, покрытую сверху и завешенную по сторонам коврами. Афанасьев хлопнул хворостиной по волам; вершники крикнули «хайд!» и хлопнули залп бичами.

– *Буна друм, боерь!* Доброго пути боярину! – крикнула вся громада, сняв кушмы и провожая каруцу, которая со скрипом потянулась из селения.

³ мир сельский (прим. автора).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.